

м.р.у. - 145.
26.06.93 - с. 7

ТАГАНКА: НОЧИ, ПОЛНЫЕ ОГНЯ...

Театр на Таганке и его создатель Юрий Любимов до сих пор остаются олицетворением всего нового, свежего и честного, что было в нашей культуре и общественной жизни шестидесятих годов. Наверное, поэтому те, кто сподобился соприкоснуться с ситуацией, сложившейся вокруг сегодняшней Таганки, чувствуют себя очень неловко. Тяжело видеть, как вчерашний кумир использует в имущественной склоке словесные штампы митинга «Демократической России», как будто на его театр посягнули Анпилов вкупе с Жириновским. Кажется, что вместе с Таганкой агонизирует миф о шестидесятниках — идеалистах, бескорыстных борцах с системой... Господи, неужели тогда, тридцать с лишним лет назад, они были так же агрессивны и суетны?

На двадцать девятое июня назначен арбитражный суд: Ю. Любимов опротестовал в нем решение Моссовета, разделившего обе сцены Таганки между его труппой и теми, кто пошел за Н. Губенко. В преддверии суда Юрий Петрович забаррикадировался в театре: туда не пускают самого Губенко, его артистов и депутатов Моссовета. Даже наряд милиции, который вызвали те, кто находится в здании, топтался у дверей около получаса. Журналисты с боем пробивались на любимовскую пресс-конференцию: у входа толчея, хрупкая актриса из «губенковских» пытается прошмыгнуть сквозь стену стоящих насмерть последователей Мастера. «Петя, опомнись, мы же в одном спектакле играли!» Но Петя непреклонен.

Я не хочу вдаваться в перипетии конфликта и не собираюсь выяснять, действительно ли Любимов собирался приватизировать театр, кто арендует помещения Таганки и на что идут полученные от этого деньги, кого и как оскорбляли Губенко и поддерживающие его депутаты. Когда семья начинает делить имущество, чистым не остается никто, но за оппонентов Любимова не так неловко хотя бы потому, что с их именами в нашей культурной мифологии меньше связано.

Мастер горячится, говорит вещи, которые хочется как можно скорее забыть. «Мой сын сказал: куда ты меня привез, не хочу жить в этой стране, а я здесь уже год...» А я, как и многие другие, буду жить в ней до березки — и меня эти слова глубоко оскорбляют.

А ведь, казалось бы, так просто: на Таганке две труппы, на каждую приходится по сцене — заложите проходы кирпичом и работайте, не обращая друг на друга внимания. Ведь то, что происходит сейчас, по сути дела представляет собой и творческое, и моральное самоубийство старой Таганки. Представьте-ка себе Станиславского, судящегося с Москвиным из-за сцены, забаррикадировавшегося от собственных артистов во МХАТе!

Интеллигентность, доброжелательность, такт, бывшие принципами жизни МХАТа, продолжили жизнь этого театра на десятилетия. Век Таганки, выросшей на пафосе отрицания и борьбы, оказался короток: как только внешний враг исчез, противниками оказались вчерашние друзья и коллеги. И это наша общая беда — без прежней Таганки мы все стали беднее.

Алексей ФИЛИППОВ.